

Если хрисовул, простагма и орисмос — будь то внешнеполитическое послание, должностное назначение или дарение — всегда в большей или меньшей степени выражают государственную политику, то частноправовой акт — это поток повседневной жизни. Как писал ученик А. С. Лаппо-Данилевского М. Н. Смирнов, такой акт отражает вступление в сделку каких-то безвестных людей, «без остатка поглощенных рекой времени»¹. Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич, издавая Вазелонские акты, заметили, что «попадают иногда иногда трогательные, горькими словами написанные факты из семейной истории маленького человека...». И. П. Медведев, приведший последнюю цитату (с. 67), отчетливо осознает, какой пульсирующий тысячами судеб материал был объектом его изучения, и он провел свое исследование не «холодными» руками. О понимании своей ответственности как историка свидетельствует та цитата-примечание, которой он открывает свою книгу: «Нотариальные акты, составлявшиеся не для истории, но для нужд повседневной жизни, именно по этой причине являются бесспорными свидетельствами подлинной истории, свидетельствами холодными в холодных руках, но трепещущими жизнью в руках опытного специалиста» (с. 3).

И. П. Медведев умышленно отошел от волнующих уже два десятилетия умы отечественных дипломатистов теоретических вопросов — о понятии предмета дипломатики, принципа классификации актов, соотношения понятий «акт», «грамота», «документ». Был соблазн упрекнуть исследователя в его индифферентности к спорным и активно обсуждаемым ныне² вопросам дипломатики, однако, определив своей задачей конкретную разработку проблем византийского частноправового акта (с. 15), И. П. Медведев отвел все возможные критические замечания подобного рода в адрес своей книги.

Но полностью от общих вопросов дипломатики И. П. Медведев не уходит. Охарактеризовав дипломатику как активное источниковедение, он возражает против более широкого, в духе старой за-

падноевропейской историографии, понимания этой дисциплины. Так, определение предмета дипломатики, содержащееся в книге Ф. Дальгера и И. Караяннопулоса и, в свою очередь, заимствованное у О. Редхиа («вспомогательная историческая дисциплина, имеющая своей целью критическое изучение документов по их происхождению и характерным особенностям для установления их подлинности и создания тех предпосылок, которые допускают их использование в качестве средства доказательств»), представляется автору «Очерков византийской дипломатики» излишне расширенным (с. 8). Полагая, вопреки Дальгеру-Караяннопулосу, что такие вопросы, как определение материала письма, чернил, которыми написан документ, почерка, служебных помет и т. п., не входят в задачи ученого-дипломатиста, И. П. Медведев, репрезентируя читателям византийские частные акты, не уходит, однако, от характеристики их внешних признаков, сообщая, что в X—XI вв. частные акты писались на пергамене, а со второй половины XIII в. — на бумаге; что изменение пропорций компонентов феррогалловых чернил привело к потемнению их цвета; что постепенно от так называемого «жемчужного письма» частных актов, однотипного с книжным минускулом, приходит свобода и непринужденность почерка, затем беглость и небрежность, перешедшие далее в неразборчивость (с. 27—28). Приводятся исследователем и самые общие языковые характеристики частных актов, такие, предположим, как итацизмы, этацизмы, смешение омикрона и омеги, а также отмечается их проникновение в текст акта различных димотических форм (с. 28—29). Подобная характеристика актов-оригиналов, согласуясь с нормами *editio diplomatice*, несомненно, украшает книгу и одновременно свидетельствует о том, что более узкое, нежели традиционное, определение дипломатики не позволяет ученому, работающему с оригиналом акта, обойтись без применения методов палеографии, сигиллографии, документоведения.

Книга И. П. Медведева вобрала в себя огромный историографический опыт в области как теории, так и практики дипломатических исследований. В отечественной историографии, посвященной византийской дипломатике, у него было немалого предшественников. После первых шагов по пути развития дипломатических штудий второй половины XIX — начала XX в., после состоявшегося в мае 1913 г. в Петербурге заседания Между-

¹ Смирнов М. Н. Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа // Историческое обозрение. Пг., 1916. Т. 21. С. 28.

² Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970; Фарсобиц В. В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии (гл. «Нерешенные вопросы дипломатики»). М., 1983 и др.

народной ассоциации по изучению актов, Россия была надолго отдалена политическими событиями от мест хранения византийских актов, а отечественные византисты — от постоянной совместной работы с зарубежными коллегами. Наиболее яркое явление в русском опыте дипломатического анализа византийских актов, книгу П. А. Яковенко «Исследования в области византийских грамот: Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе» (Юрьев, 1917), отделяет во времени от рецензируемого исследования 70 с лишним лет. За этот период появлялись лишь публикации отдельных актов и незначительные по объему статьи, многие из которых принадлежат перу автора «Очерков византийской дипломатики»³.

Что же касается большого опыта зарубежных дипломатистов, то он в полной мере учтен И. П. Медведевым. Трудно назвать в этой сфере науки какое-либо исследование, которое не было бы в той или иной мере использовано, учтено или оспорено И. П. Медведевым. Пространные историографические экскурсы в тексте книги свидетельствуют о прекрасной научной информированности автора. При этом, однако, переложение отдельных положений зарубежных работ порой выглядит излишним. Так, в историографическом обзоре введения можно было бы безболезненно убрать изложение содержания отдельных частей учебника Дэльгера-Караиниоулоса по дипломатике или классификацию проимиев императорских документов по Г. Хунгеру: это достаточно известно специалистам и, кроме того, не имеет прямого отношения к дипломатике частного акта.

Что касается общей классификации

³ *Медведев И. П.* О подделке византийских документов в XVI в. // ВИД. 1969. Т. 2. С. 277—286; *Он же.* Византийская дипломатика в свете некоторых новейших исследований // ВИД. 1970. Т. 3. С. 360—370; *Он же.* Поздние копии византийских документов в собраниях Библиотеки Академии наук СССР // ВВ. 1971. Т. 32. С. 223—231; *Он же.* Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV в. // ВИД. 1976. Т. 7. С. 289—297; *Он же.* Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе // ВИД. 1976. Т. 8. С. 274—285; *Он же.* Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 124—147; *Он же.* Две поправки к каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ // ВВ. 1984. Т. 45. С. 215—217.

актов, И. П. Медведев остается верен старому классическому принципу деления всех актов на публичные (*instrumenta publica*) и частные (*instrumenta domestica seu privata*). Под частными актами автор понимает те, которые составлены от имени частных лиц и относятся к области частного права, причем этими лицами могли быть и отдельные граждане, и коллективы — семья, община, монастырская братия (с. 16). Нотариальные акты также включены И. П. Медведевым в категорию частных, вопреки склонности некоторых исследователей относить их к промежуточному звену актов частного правового характера (С. Н. Троянос, И. Караиниоулос, Г. Вайс). Автор «Очерков византийской дипломатики» обоснованно соглашается с Кс. Антониадисом, что тип акта не меняется в зависимости от того, был ли он заверен нотариусом или написан писцом, не обладавшим квалификацией нотариуса (там же). Подвергнутые анализу частные акты И. П. Медведев делит на *acta inter vivos* (купчие, дарственные, меновые, мировые, разделительные, отступные, брачные) и *acta mortis causa* (завещания).

И. П. Медведевым очень четко определена задача проводимого им исследования — сплошное обследование «сохранившихся византийских документов частного характера как правовых документов, отражающих прежде всего право и позволяющих судить о том, как эти нормы действовавшего в то время права преломлялись в повседневной действительности» (с. 13). Несомненно, что подобное исследование особенно актуально для Византии — страны, основанной на праве.

В связи с задачей исследования первой ступенью к ее решению было выявление автором мирового фонда византийских частных актов (с. 17—25). Подсчитав сохранившиеся и дошедшие до нашего времени акты (в оригиналах, копиях, картуляриях), либо опубликованные, либо упомянутые в сводках данных о неизданных источниках, И. П. Медведев установил общее (приблизительное) число греческих частных актов византийского времени — 1225 документов (с. 17). Это число мизерно по сравнению с латинскими западноевропейскими актами. Чем объясняет автор тот парадокс, что страна с более ранним распространением права сохранила столь малое количество частных актов? Прежде всего им учитываются результаты поражений империи в 1204 и 1453 гг. Не случайно именно константинопольских актов сохранилось лишь 16 за время с IX по XV в. (см. табл. на с. 18). Наибольшее же количество частных актов относится к району Афонской горы и Македонии (202), где хранителями архивов

были монастыри, и к Южной Италии (693). Но только общественные и природные катаклизмы вряд ли могут быть сочтены исчерпывающим объяснением столь малого количества сохранившихся актов. И. П. Медведев предполагает, что частных актов в Византии вообще было меньше, чем в странах Западной Европы, хотя и осознает, насколько трудно объяснить, почему в стране развитой бюрократии делопроизводство не было связано с большим количеством бумаг (с. 19). Автор книги ищет различные пути к объяснению этого непонятого феномена, но считает все-таки факт скудости византийских частных актов загадкой (с. 22).

Рассматривая вопрос о копиях византийских частных актов, И. П. Медведев высказывает в связи с фактом прекращения массового употребления в XIII в. сборных копий в свитках и возникновения практики составления копейных книг предположение, что это могло быть связано с латинским завоеванием и с западной практикой составления картуляриев (с. 37). Многопланов в историографическом аспекте рассмотрен автором вопрос о правомочности византийских кодексов как документов, могущих быть представленными суду в качестве средства доказательства (с. 40—42).

Специальная глава посвящена в книге анализу дипломатического состава частного правового византийского акта (с. 43—99). Как известно, любой акт состоит из обязательных трех частей: протокола, текста и эсхатокола. В тексте определяющей является диспозитивная часть; количество же дополнительных формул может быть различным. Вслед за Г. В. Вернадским, первым препарировавшим формуляр частных грамот и выделившим на примере актов малоазиатского монастыря Лемвиотиссы 17 клаузул⁴, И. П. Медведев составляет единый условный формуляр частного акта, выделив 21 клаузулу (табл. ч. а. 46): заглавие акта, протагесигнов, инвокация, *annus imperii*, имя автора сделки, распоряжение, имя правопреемника, предмет сделки, *paratio* (история сделки), оповещение, цена, передача предмета сделки, права правопреемника, эпитетеля, отказ от эксцепций, гарантия против эвнкции, неустойка, корроборация, дата, подписи свидетелей и подпись нотариуса. Выработав на основе изучения формуляра всего фонда частных актов условный формуляр, И. П. Медведев оговаривает, что локальные отступления, а также варпантность в офор-

млении актов, вышедших из одной и той же канцелярии, не только допустимы, но и довольно часты.

Каждая из выделенных И. П. Медведевым клаузул пространно прокомментирована с привлечением материала конкретных актов и с учетом многообразия мнений, высказанных в исследовательской литературе. В ходе комментирования формул частного акта И. П. Медведев высказал множество интересных наблюдений по некоторым частным вопросам. К примеру, термин *καθάρᾱ*, чаще всего сочетающийся в актах с термином *πρᾶσις* (купчая) и переводимый исследователями как «неподдельная» (нем. *unverfälscht*), И. П. Медведев рассматривает как свидетельство «чистого» акта продажи, не совмещенной с дарением, что случалось нередко (с. 49—50). Убедительны аргументы И. П. Медведева как арбитра в споре Э. Арвейлер и Ф. Дальгера (с. 90) относительно возможности уступки собственником-иммунистом при отчуждении его имущества привилегии иммунитета новому собственнику в клаузуле эпитетели. Возражая А. Гийу, И. П. Медведев аргументированно доказывает на примере купчей 1309 г. из архива Хиландарского монастыря, что в византийских частных актах отражается, помимо двойного размера цены, полное возмещение издержек на содержание и «улучшение» приобретенного недвижимого имущества (с. 98).

Таблица, отражающая клаузуальный состав частного византийского акта, свидетельствует, что из отмеченных 21 клаузул неизменными формулами акта были лишь девять: имя автора акта, распоряжение, имя правопреемника, предмет сделки, неустойка, корроборация, дата, подписи свидетелей, подпись нотариуса. Остальные клаузулы могли появляться sporadически, будучи определены лишь обстоятельствами, но не временем или клише определенной канцелярии.

Самая большая глава исследования посвящена византийскому нотариату (с. 100—181). Автор рассматривает истоки нотариата в Византии, законодательную основу существования службы табеллиона (текст конституции С. 4.21.17, новеллы 44 и 73), статус и обязанности табуляриев (Книга эпарха). Как и табеллионы прежнего времени, табулярии X в. продолжали оставаться частными лицами, не находившимися на государственной службе, но получавшими от государства концессию, позволяющую заниматься составлением юридических актов и судебных бумаг для любого обратившегося к ним человека. Если в X в. право назначения светского табулярия принадлежало корпорации, с 1043 г. — номофилаку, ректору высшей юридической школы в Кон-

⁴ Вернадский Г. В. Заметки о византийских купчих грамотах XIII века // Сб. в честь на В. Н. Златарски. С., 1925. С. 35—44.

стантинополе, то в поздневизантийскую эпоху это осуществлялось императорской прагматой. Однако в целом, как полагают И. П. Медведев, «системы публичного, государственного нотариата так и не было создано в Византии, хотя попытки усилить контроль государства над деятельностью лиц, совершавших частноправовые акты, „имели место”» (с. 128—129).

Из набора терминов, обозначающих практиков-нотариев, судя по частным актам, наиболее употребительными были два: *ταβουλάριας* и *νοταρχός*. Каждый город или село имели своих нотариев (или нотариария). Частноправовой акт, по преимуществу табуляриальный документ (с. 134), содержал в клаузуле *сogrogatio* упоминание о писце или о нотариис, а также подписи нотариев, составлявших акт. Трудно установить, существовал ли определенный уровень образованности для нотариария. Круг его обязанностей определялся не только составлением и удостоверением акта, но и объяснением его смысла и последствий, т. е. своеобразными юридическими консультациями.

В большинстве случаев, как видно из частноправовых актов, табулярии и номики были лицами, имевшими различные должности и титулы в византийской церкви. Это могли быть анагносты, скевофилаксы, кувуклиси, сакеллии и другие — вплоть до митрополичьего уровня (с. 138—139)⁵.

Значимость института свидетелей, характерная для Византии, свидетельствует, по аргументированным наблюдениям И. П. Медведева, об определенной незрелости византийского нотариата. Частный акт в Византии до самого конца ее существования получал силу прежде всего от подписей свидетелей. Поскольку подпись свидетеля имела существенное значение в судебном разбирательстве, может быть, этим, по замечанию автора, объясняется нарочитая читабельность (читаемость?) минускульных надписей.

В целом же, по наблюдениям И. П. Медведева, в Византии не было строго разработанной теории нотариата, нотариального права, а нотариус не достиг в обществе высокого положения. Объяснение этому в книге дано не совсем понятной «скороговоркой»: автор замечает, что в каждой стране представления о публичном до-

верии, об удовлетворении потребностей в документах, оформлявших юридические сделки, соответствуют «уровню развития производительных сил и производственных отношений данного общества» (с. 176).

Восстановить роль частноправового акта в судебном процессе (гл. IV) довольно сложно, поскольку отсутствуют подобные протоколы. Постановления же судов, отражая лишь процедуру заключительного этапа судебного процесса, дают неполное представление о значении частноправового акта в судебном разбирательстве. Разумеется, документы публичного характера обладали большей доказательной силой, но и частный акт, соответствующим образом оформленный и засвидетельственный, имел силу в суде, а порой, при отсутствии каких-либо других документов, являлся важнейшим средством доказательства. Об этом может свидетельствовать распространенность такого деликта, как подлог (с. 191—201). Вероятность же предоставления в суд подложного документа повышала значимость судебной экспертизы (с. 201—223).

В книге «Очерки византийской дипломатики» удачным образом сочетаются формально-теоретический аспект исследования частноправового акта, оперирование конкретным (содержательным) материалом актов и аргументированная научная полемика.

Частный акт отражает поток повседневности: судьбы людские, реалии быта и нравов, социальные, экономические условия существования семейных хозяйств, хождение монеты, ландшафтно-климатические условия хозяйствования. Исследование И. П. Медведева дает ключ к изучению этих реалий.

Картины жизни встают в книге И. П. Медведева не только в отношении исследуемого им средневековья. Даже история византиноведения обретает под его пером живые, зримые формы. Приведу лишь два примера. Сундук, в котором хранятся самые древние документы, опечатанный печатями двадцати монастырей и могущий быть открытым в присутствии по крайней мере четырнадцати (из двадцати) эпитропов, в нашем веке открывался дважды: в 1918 г. для Габриэля Милле и в 1941 г. — для Франца Дэльгера. Второй пример относится к более близкому времени. Несколькими годами назад супруги Эра и Олеандр Вранусси обнаружили в Метеорском монастыре кришту, заставленную шкафом, и нашли там среди старых, изгрызенных крысами риз мешки со связками документов (с. 24—25). Подобный стиль изложения «человечивает» не только историю, но и историю науки.

⁵ Наглядный в этом отношении массовый материал по совмещению должностей в сфере административного аппарата (чиновников и юристов) палеологовской эпохи представлен в многотомном венском издании PLP, не учтенном И. П. Медведевым (хотя бы в плане аналогий).

К исследованию И. П. Медведева приложены два документа из Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: фрагмент записки 1289 г. в копии XIX в. и купчая 1246 г. из Диррахия.

Книга снабжена указателями предметно-терминологическим, актов и юридических источников, списком писцов и нотариев и указателем исследователей. Не плохо было бы иметь в книге указатель имен «действующих лиц» частных актов, а также местностей, названных в актах. Но, может быть, это в большей степени задача будущих исследователей, которые обратятся, используя опыт книги И. П. Медведева, к изучению исторических реалий, содержащихся в частных актах.

И. П. Медведев как исследователь от-

четливо осознает все упущения и недостатки своей книги — они сформулированы им в заключении. В большинстве случаев они определены ограниченностью объема книги. Одновременно И. П. Медведев настойчиво стремится убедить читателей, что его исследование не является учебником по дипломатике (с. 13, 224). Тут придется разочаровать автора: книга уже стала учебником, поскольку это первый обобщающий универсальный труд по частному византийскому акту, содержащий четкие классификации, аргументированные позиции и доказательные выводы. Высокий же профессионализм исследования обещает ему долгую жизнь в науке.

М. А. Поляковская

D a g r o n G., M i h ă e s c u H. La traité sur la guérilla de l'empereur Nicéphore Phocas. P.: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986. 358 p.

Воистину, идеи носятся в воздухе. Почему-то военный трактат «Περὶ παραδρομῆς τοῦ πολέμου», не издававшийся с начала прошлого века, вышел сейчас двумя независимыми публикациями: Г. Деннис издал его вкуче с еще двумя военными руководствами в США¹, а Ж. Дагрон, работавший в соавторстве с Х. Михаэску вплоть до смерти последнего, — во Франции. Кстати, та же судьба и в то же время постигла и другое начинание Дагрона: стоило ему написать книгу на базе малоизвестного сочинения «Константинопольские древности»², как в Англии появилось исследование на ту же тему³. Видимо, здесь проявляются какие-то закономерности развития науки.

Но вернемся к трактату, который Дагрон находчиво озаглавил «О партизанской войне». К. Газе издал его в 1819 г. на основании четырех второстепенных рукописей; публикация Дагрона—Михаэску, как и Денниса, строится на всех десяти дошедших рукописях, древнейшие из которых очень недалеко отстоят по времени от оригинала. Но вообще разброс в подаче текста невелик, и небольшие стемматические различия двух изданий почти не меняют картины. Единственное, с чем Дагрон постоянно приходится бороться в критическом аппарате, — это конъектуры Газе: душа блестящего элли-

ниста не могла смириться с неправильностями византийского языка X в., и он повсеместно «улучшал» его в своем издании.

Публикация трактата (с. 27—135) сопровождается параллельным, высокого качества французским переводом и постраничными примечаниями, в которых находится место не только для лингвистических пояснений и отсылок к сходным контекстам, но и для тонких литературоведческих наблюдений. В сущности, это спрессованный комментарий. Закономерно поэтому, что следующий за изданием «Комментарий» (с. 139—287) поясняет скорее труд в целом, нежели отдельные его места. Дагрон ставит трактат «О партизанской войне» в контекст византийской истории. Попытаемся вкратце сформулировать концепцию французского исследователя.

Лев VI первым попытался перестроить армию так, чтобы она могла противостоять арабскому «джихаду». Эта деятельность продолжалась до 60-х годов X в. и привела к регионализации войны и ее идеологизации. В малоазийских фемах расселились компактные иноэтничные группы, поставившие людей для непрерывно тлевшей пограничной войны. Менялись социальные отношения: вместо фемного ополчения из крестьян-воинов появлялись полупрофессиональные отряды воинов-крестьян, связанные личными узами со своими командирами. Важно отметить, что, с точки зрения Дагрона, подобная милитаризация носила чисто фискальный характер и никак не может быть сочтена «феодализацией» (с. 283 — кавычки Дагрона). И так,

¹ Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation and Notes by G. Dennis. Wash., 1985.

² Dagron G. Constantinople imaginaire: Etudes sur le recueil des Patria. P., 1984.

³ The Parastaseis / Ed. by Av. Cameron et al. L., 1986.